

ИНГВИЛЬ БРОК (Тромсё)

Оценка языка-пиджина руссенорск глазами современного лингвиста

Когда в марте 1996 года Б. Н. Ельцин посещал Норвегию, он на встрече с норвежскими бизнесменами говорил следующее: «Когда готовился к этой поездке, мне рассказывали, что в старые времена торговые связи между Россией и Норвегией были такими тесными, что даже существовал специальный русско-норвежский торговый язык, а именно поморский язык. Этот язык и являлся основой для торговли. Общение между поморами, как их называли, как раз происходило на этом языке. В более позднем периоде кто-то убил этот язык. Им надо было голову срубить. Сегодня ничего не осталось от этого языка. Пора оживлять поморский язык.»¹

Я не собираюсь оживить то, что Борис Николаевич называл поморским языком. Я не уверена, что советники Президента поняли, что такое торговый язык, жаргон или язык-пиджин; они также не поняли, что именно этот язык существовал гораздо дольше, чем обычно существуют языки-пиджины, и что этот язык представляет особый интерес для лингвистов как раз тем, что он возник среди равных соседей, а не в среде социально неравных людей, например, среди колонизаторов и их подчиненных.

Описание господином Ельциным того, что он совершенно правильно называет норвежско-русским торговым языком, однако, не очень далеко от первой известной характеристики руссенорска, которая дана в 1812-14 гг. губернатором Финнмарка Ф. В. Ведель Ярлс-бергом. Сначала он комментирует три главных языка Финнмарка того времени, т.е. норвежский, саамский и финский, а потом продол-жает:

¹ Из выступления Б. Н. Ельцина на встрече с норвежскими бизнесменами в Осло, Норвегия, 25.3.96.

Еще [то есть в дополнение] говорят на четвертом языке, составленном из норвежского, голландского, немецкого, саамского и, возможно, финского; его можно было назвать торговым языком; ибо оным пользуются торговые дабы быть взаимно понятными; однако пользуются оным лишь когда сделку заключают с русскими.²

Итак, Ведель Ярлсберг назвал язык «торговым», но в Северной Норвегии гораздо более обычно было именовать этот язык «моя-поя», что значит: я (говорю) как ты (говоришь). В дополнение к этому язык этот часто называли «как шпрек», что значит: как (мне) сказать (это)?

Первое лингвистическое описание руссенорска (РН) публиковалось в немецком журнале *Zeitschrift für slavische Philologie* в 1927 г. норвежским славистом Олафом Броком³. В том же году его статья по просьбе редактора явилась и на норвежском языке в журнале *Maal og Minne*⁴. Олаф Брок собирал материал по РН уже много лет, большую часть материала получал от ректора пединститута Тромсё, специалиста по саамскому языку Ю. К. Квигстада. Более длинные тексты передавали норвежские купцы и таможенники, а не те лица, которые пользовались языком-пиджином в конце прошлого и начале нашего столетия, а именно рыбаки.

В своей статье Брок главным образом описывает фонетические, морфологические и лексические черты РН. Он также упоминает разные оценки языка прошлого столетия: и положительные, юмористические, и отрицательные. Он подтверждает, что РН является одним из многих смешанных языков мира. Происхождение разных черт РН — словоформы, употребление гласных и согласных, а также этимология некоторых слов — подробно обсуждается. Особый

² Wedel Jarlsberg, F. W. 1887: *Nogle Materialer til Beskrivelse over Finmarkens Amt. Illustreret Familielæsning* 6. Особый выпуск: *Beskrivelse over Finmarkens Amt.*, Kristiania.

³ Broch, O. 1927: *Russenorsk. Archiv für slavische Philologie*, XLI, 209-262.

⁴ Broch, O. 1927: *Russenorsk. Maal og Minne*, 81-130.

интерес представляют названия рыб; здесь О. Брок находит новые и старые слои заимствований в РН и предполагает также, что некоторые старые русские названия рыб были заимствованы из саамского языка, а саамский в более ранний период заимствовал свои названия рыб из норвежского⁵. О. Брок совсем не комментирует синтаксис РН, явно считая, что этот язык без синтаксических правил.

В 1930 г. Брок опубликовал те тексты РН, которые тогда знали и которые служили основой для его описания, сделанного в 1927 г.⁶ Всего 13 коротких текстов составляют этот материал, больше всего это диалоги и списки слов, среди них, однако, много повторений. Тем не менее, этот материал — наш главный источник информации, так как тексты, которые найдены позже, малочисленны и коротки. По-скольку текстовый материал в основном собран в Норвегии, большинство информантов, вполне естественно, были норвежцами. Можно предположить, что это имело значение в особенности для описания произношения. Норвежцы и русские произносили РН несколько по-разному, в зависимости от того, какие звуки были в их родных языках.

Возможно, что это имело значение и для выбора лексики. Брок сам упоминает о том, что очень жаль, что не удалось собирать материал от русских, говорящих на РН⁷. Он также писал, что не стоит дольше ждать нового материала с русской стороны, границы закрыты, люди со знанием языка забывают его. В 1927 РН почти перестал существовать⁸.

Известно, что саами, и по всей вероятности также финны, живущие в Финнмарке, пользовались РН; следовательно, хотелось бы иметь данные и от саамских и финских информантов. Это было бы особенно важно для оценки произношения и лексики.

В начале XX века говорили на РН на побережье протяженностью в 740 километров, от Колы до города Тромсё, в разных по-

⁵ Ibid. 123-126.

⁶ Broch, O. 1930: Russenorsk tekstmateriale. *Maal og Minne*, 113-140.

⁷ Broch, O. 1927. Ук. соч., 84.

⁸ Ibid. Теперь можно также добавить, что открытие границы не привело к находкам нового материала. Это, однако, не удивительно, так как пиджин разговорный, а не письменный язык.

селениях Финнмарка и Тромса. Русские носители языка приезжали из разных деревень и сел Мурманского берега и Белого моря, они возвращались в те же места в Северной Норвегии каждое лето. Торговля с северо-западной Россией имела долгие традиции, хотя объем торговли менялся с каждым десятилетием. Законность торговли также менялась. Пока у русских был избыток крупы и муки и потребность в рыбе, а у норвежцев наоборот, меновая торговля продолжалась, даже когда была незаконной. В конце прошлого столетия торговля переходила постепенно с меновой в денежную; вывоз рыбы убывал, а ввоз муки рос. Первая мировая война и русская революция поставили точку на торговых связях между Норвегией и Россией⁹.

Первые примеры слов РН встречаются в судебных книгах Финнмарка от 1785 и 1804¹⁰. В 1830 г. Блом утверждает, что РН непонятен для тех, кто не учил его¹¹. На основе такого высказывания можно предполагать, что к этому времени РН существовал в такой развитой форме, в какой он встречается в текстах. Надо также упомянуть о том, что в середине прошлого столетия с норвежской стороны на РН говорили только рыбаки и их семьи; купцы, которые раньше говорили на нем, в это время начали учиться русскому языку. В результате, оценка РН изменилась¹². В 1905 г. описывают РН как «hodge-podge» — «идиотская смесь некоторых норвежских, русских и английских слов.»¹³ Следовательно, пока РН пользовались и рыбаки и купцы с норвежской стороны, все слои общества положительно отзывались о нем. Но когда купцы освоили

⁹ См., напр., Broch, I. & E. H. Jahr 1981: *Russenorsk — et pidginspråk i Norge*. Oslo. (= Tromsøstudier i språkvitenskap 3), 2. ed. 1984, 23-29.

¹⁰ Justisprotokoll for Finnmark, nr. 44, fol. 242, Hammerfest gjesterett 1. april 1785.

Justisprotokoll for Finnmark, nr. 48, fol. 28, Vardø ekstrarett 28. nov. 1897.

¹¹Blom, G. P. 1830: *Bemærkninger paa en Reise i Nordlandene og igjennem Lapland til Stockholm, i aaret 1827*. Christiania.

¹² Broch, I. & E. H. Jahr 1981, ук. соч., 23-29.

¹³ Helland, A. 1905: *Norges land og folk. Topografisk-statistisk beskrivelse. XX: Finmarkens Amt*. Kristiania, 781.

русский язык и на РН говорили только рыбаки с норвежской стороны, уже воспринимали язык не так положительно. Социальная оценка РН таким образом приблизилась к характеристике большинства пиджинов мира¹⁴.

Корпус РН, который мы знаем сегодня, состоит приблизительно из 400 слов, из них половина встречается всего один раз. 47% лексики основано на норвежских словах, 39% из русского языка¹⁵. Остальные слова заимствованы из разных языков, чаще всего из английского, голландского или нижненемецкого. Интересно заметить, однако, что когда слова РН основаны не на норвежском или русском языках, обычно находим и параллельные формы, заимствованные из одного из базисных языков, напр.: *grot/bolsa* (большой), *drinkom/trinkom/drikkom* (пить). По сравнению с другими языками-пиджинами корпус в 400 слов не является маленьким, а нормальным.

В 1965 г. немец Г. Нойманн впервые толковал РН в контексте других языков-пиджинов такого же типа из других концов мира¹⁶. Сравнивая РН с подобными языками, Нойманн убедительно показывал, что структура таких языков имеет общие характерные черты и в структуре, и в механизмах упрощения. В то время как О. Брок считает, что отсутствие копулы в РН является заимствованием из русского, Нойманн утверждает, что отсутствие копулы типично для всех пиджинов. В литературе общелингвистической РН нередко используется как пример, причем чаще всего ссылаются на немецкую статью О. Брока 1927 г. В литературе о торговых языках-жаргонах, языках-пиджинах и креольских языках РН является популярным примером.

В 1980-ые годы и русские ученые стали интересоваться РН. А. Н. Давыдов и его студенты в Архангельске часто обсуждают вопросы, связанные с РН. Их исходная точка — этнологическая, им

¹⁴ Broch, I. & E. H. Jahr 1983: Does a pidgin necessarily have a low social status? The case of Russenorsk. *Nordlyd: Tromsø University Working Papers on Language and Linguistics* 7, 36-45.

¹⁵ Fox, J. A. 1973: Russenorsk: A Study in language adaptivity. Unpubl. term paper, Univ. of Chicago, 62.

¹⁶ Neumann, G. 1965: Russennorwegisch und Pidginenglisch. *Nachricht der Giessener Hochschulgesellschaft* 34, 219-232.

очень хочется подчеркнуть тесные связи между Поморьем и Северной Норвегией до революции, и в более широкой перспективе чувства единства вдоль северно-европейского побережья. РН по их представлению является выражением этого единства, и тот факт, что в нем находятся слова, которые принадлежат к международному морскому жаргону, для них свидетельствует о таком морском обществе¹⁷.

Но все-таки кажется, что когда В. Н. Пономаренко, А. Н. Давыдов и А. А. Куратова выделяют отдельные фразы, чтобы построить целый ритуал вокруг меновой торговли:

[...] выделенный нами ритуал торга можно рассматривать не только в качестве смыслового ядра речевого поведения в РН, но также — как фактор, определивший формирование основных лексико-семантических групп словарного состава пиджина¹⁸,

мне кажется, что здесь толкуют ограниченный материал и преувеличивают значение этого материала. Вряд ли это «арктический аскетизм» решил выбор текстов, которые дошли до нас, скорее это случайности. Далее Давыдов и его сотрудники сделали симпатичный рисунок «лексического треугольника» РН, сосредоточенного вокруг рыбы, в углах море, берег и человек¹⁹. Лексика любого торгового пиджина включает числительные, единицы веса, названия меновых изделий, описание изготовления продуктов, слова *продать*, *купить*, *дорого*, *дешево* и т.п. Переданные тексты дают возможность

¹⁷ Здесь ссылаюсь на многочисленные разговоры и дискуссии с А. Н. Давыдовым и в Архангельске и в Тромсё.

¹⁸ Пономаренко, В. П., Давыдов, А. Н., Куратова, А. А. 1987: Руссенорск в контексте интерэтнической морской культуры на севере Европы: язык торговли и ритуал торга. *XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов*. Москва, 203.

¹⁹ Давыдов, А. Н., Пономаренко, В. П., Куратова, А. А. 1987: Руссенорск — арктический пиджин Европы. Вардун, И. Ф. & Беликов, В. И. (ред.): *Возникновение и функционирование контактных языков. Материалы рабочего совещания*. Москва, 45.

высказаться о фонетике, грамматике, синтаксисе языка, о строении лексики, но исходя только из лексики нельзя заключать, что все социальное сообщение было сосредоточено только вокруг меновой торговли. В нашем случае в текстах также встречаются фразы о чаепитии — и иногда о более крепких напитках. По норвежским описаниям меновой торговли и поморов в Северной Норвегии также знаем, что красивые голоса и пение русских производили сильное впечатление на норвежцев; далее знаем, что норвежцы и русские иногда играли в мяч. Лексика, однако, не свидетельствует об этом. И тексты не рассказывают о карамели «bon-bon», которую русские раздавали норвежским детям, не о «gussenøtter», т.е. семена сибирских кедров, которые пользовались большой популярностью в Северной Норвегии. Значит, треугольник Давыдова и его коллег узок для описания той среды, в которой использовался РН.

Среди русских исследователей РН Е. В. Перехвальская представляет лингвистическую перспективу²⁰. Она не соглашается с грамматическим описанием РН 80-ых годов, считая, что в РН полностью отсутствует словообразовательная и словоизменительная морфология. Мы с Э. Х. Яром раньше утверждали, что хотя морфология всех пиджинов проста, и это тоже так для РН, возможно, все-таки, кое-что сказать о морфологии, а именно как маркируются разные части речи²¹. Например, в РН большая часть существительных, оканчивающихся на -а/-ка: *damosna* (таможня), *klæba* (хлеб), *vina* (вино), *balduska* (палтус), *silka* (сельдь); Брок замечает, что часть этих слов заимствована в форме родительного падежа, часть в форме именительного²². Здесь, однако, важно не из какого языка или в каком падеже взято слово, а какой суффикс нужен языку-пиджину для создания данной части речи.

Перехвальская аргументирует, что РН — норвежский пиджин, а не русский пиджин, и поэтому с точки зрения сопоставительной

²⁰ Перехвальская Е. В. 1987: Руссенорск как пример начального этапа формирования пиджина. *Ibidem*, 63-67.

²¹ Broch, I. & E. H. Jahr 1981. Ук. соч., 43-44.

²² Broch, O. 1927. Ук. соч., 98.

грамматики принадлежит к германским языкам, а не к славянским²³. Возникновение пиджинов и креольских языков, однако, таково, что бессмысленно говорить о славянских и германских языках, здесь важной чертой характеристики является упрощенная грамматика, отсутствие копулы, времен, артиклей и т. д. Причиной ее высказывания — порядок слов в РН; она считает, что он норвежский, но не объясняет почему. Далее, она пишет, что лексика большею частью норвежская; уже доказано, что это далеко не так. Она находит, что в РН большое влияние с немецкого, утверждая, что например слова: *arbeid* (работа), *forstå* (понять), *фишка* (рыба) вошли в РН с немецкого. Несомненно, есть немецкие заимствования в РН, эти слова, однако, с норвежского: *arbeid*, *forstå*, *fisk*.

Те языки, которые традиционно воспринимаются как типичные пиджины и креоли, развивались в связи с языковым контактом в колониях, больше всего в тропиках, в Тихом океане и чаще всего в Атлантическом океане. Обсуждение моделей жаргонов и пиджинов, однако, становится другим, когда рассматриваем и менее известные пиджины Арктики и других северных районов. Здесь я ссылаюсь на П. Труджилла, который пишет, что большинство атлантических и тихоокеанских пиджинов, креольских и посткреольских языков имеет единственный источник или лексический язык (*lexifier language*), хотя все согласны в том, что термин *языковой контакт* указывает, что здесь содействуют больше одного языка²⁴. Труджилл приводит в качестве примера сранан, где всего 8% лексики африканского происхождения.

РН, однако, самый известный арктический пиджин, очевидно, составлен из одинаковых частей русского и норвежского языков. Это не значит, что все северные пиджины имеют два источника. Таймиро-русский пиджин в регионе Северной России, который сравнительно поздно колонизировали русские, кажется, традиционный

²³ Перехвальская Е. В. Ук. соч.

²⁴ Trudgill, P. 1996: Dual-source pidgin and reverse creoloids: Northern perspectives on language contact. E. H. Jahr & I. Broch (eds): *Language Contact in the Arctic. Northern Pidgins and Contact Languages*. Berlin - New York (= Trends in Linguistics 88), 9-10.

пиджин с одним источником²⁵. Разница, наверное, связана с тем, что РН формировался в результате общения между равными торговыми партнерами.

Итак, интерес О. Брока сосредоточился на описании этого феномена, охарактеризованного им как: «вид языка, смесь разных элементов, похожий на подобных языков, возникших в других частях мира в тех же обстоятельствах.»²⁶ Проходили период сравнения РН с другими пиджинами, устанавливая его как грамматическую систему с простой морфологией, с синтаксисом не без правил, но с ограниченными синтаксическими возможностями, как в других пиджинах. История РН показывает, что пока РН был единственным средством общения между норвежцами и русскими, в Северной Норвегии ценили язык положительно. Но когда норвежские купцы стали учиться русскому языку, РН потерял свой статус «четвертого языка» Северной Норвегии, и его стали характеризовать снисходительно: так, как характеризуют колониальные пиджины. У РН, однако, в отличие от них, специальный статус, так как он имеет два источника, и этот факт сможет стимулировать более широкое исследование пиджинов и контактных языков Арктики и северных регионов. Надо надеяться, что такое исследование поведет и к новому развитию и переопределению теоретической основы учения пиджинов и креольских языков.

Summary:

Assessment of the pidgin Russenorsk (RN) seen with the eyes of a contemporary linguist

The first linguistic description of RN was published by Olaf Broch in German in 1927 in *Archiv für slavische Philologie* and in the same year also in Norwegian, at the request of the editor of the Norwegian philological journal *Maal og Minne*. In 1930 he published the RN texts

²⁵ Wurm, S. A. 1996: The Taimyr Peninsula Russian-based pidgin. *Ibidem*, 79-90.

²⁶ Broch, O. 1927. Ук. соч., 81.

which were known then and which he had used as a basis for the description of 1927. Broch's interest in RN was concentrated on a pure description of this phenomenon, by him characterized as "a kind of language [...] a mixture of different constituents like the ones we know from different parts of the world under more or less the same conditions». We have passed through a period of comparing RN to other pidgins, establishing RN as a grammatical system with simple morphology, with a syntax that is far from being without rules, but its syntactical possibilities are restricted, as in other pidgins. The history of RN shows that as long as RN was the only means of communication between Norwegians and Russians in Northern Norway the assessment was positive, but when Norwegian merchants started learning Russian proper, RN lost its status as "the fourth language" in Northern Norway, and was characterized in the same derogatory way as colonial pidgins. RN, however, differs from them, in having a special status as a dual-sourced pidgin, while most Atlantic and Pacific pidgin, creoloid and post-creoloid languages have a single main source. This seems to stimulate to more extensive studies into the features of the pidgin and contact languages of the Arctic and the northern regions. Such investigations can hopefully lead to important modifications and necessary redefinitions of the theoretical models employed in pidgin and creole studies.

Address of the author: Ingvild Broch, Research Department, University of Tromsø, N-9037 Tromsø, Norway.
E-mail: ingvild.broch@adm.uit.no